

**СТРУКТУРА ЖИТИЙНЫХ ПРЕДИСЛОВИЙ МИТРОПОЛИТА ПЕТРА,  
СТЕФАНИЯ ПЕРМСКОГО, ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ  
РАДОНЕЖСКОГО И ПРЕПОДОБНОГО КИРИЛЛА БЕЛОЗЕРСКОГО  
COMPOSITION OF THE INTRODUCTIONS TO THE HAGIOGRAPHIES  
OF THE METROPOLITAN PETER, STEFANY PERMSKY, THE  
REVEREND SERGY RADONEZHSKY, THE REVEREND KIRILL  
BELOZERSKY**

**Аннотация:** Основная цель данной статьи – выявление структуры вышеупомянутых предисловий, а также особенностей «стиля плетения словес». Задача статьи – проследить развитие данного стиля, а также исследование вклада авторов названных житий в структуру древнерусских предисловий.

Сопоставление данных предисловий привело к выводу о том, что в каждом из них имеется определенный набор канонических тем. В одних текстах они наиболее полно реализованы, например, в предисловиях к житиям митрополита Петра и Кирилла Белозерского. Общими для всех являются традиционные для агиографических вступлений темы авторского самоуничижения и размышления о необходимости повествования о святом.

**Ключевые слова:** житие; предисловие; автор; стиль; канон; тема; структура.

**Abstract:** The main purpose of the article is to review the composition of the above-mentioned introductions and the peculiarities of «words braiding» manner. Our task is to retrace the development of this manner and also to find out innovation of these writers in the composition of the Old Russian introductions.

Having compared the following introductions we came to the conclusion that each analyzed text has a certain set of canon topics. In some texts we can observe the full realization of them, for example in the introductions to the hagiographies of the metropolitan Peter and the Reverend Kirill Belozersky. Common traditional topics for hagiography introductions are self-humiliation and thoughts about the necessity of narration of the saint.

**Keywords:** hagiography; introduction; writer; manner; canon; topic; composition.

В конце XIV – начале XV веков на Руси, по мнению Д. С. Лихачева, в русской житийной литературе произошел расцвет экспрессивно-эмоционального стиля, который наиболее ярко проявился в произведениях агиографического жанра [2, с. 123]. Первым принес стиль «плетения словес» в древнерусскую литературу Киприан, весьма оригинальное развитие этого стиля последовало

в работах Епифания Премудрого. Пахомий Серб, в свою очередь, сделал стиль «плетения словес» каноническим. Мы ставим перед собой задачу проследить, как развивался стиль «плетения словес», что новое было привнесено разными авторами в структуру древнерусских предисловий.

«Житие митрополита Петра» начинается с почти точных цитат из «Премудростей» и «Притч» Соломона о праведниках: *«Праведници в веки живут и от Господа мзда их, и строение их от Вышшняго...»* [7, с. 76]. Продолжает свое предисловие Киприан упоминанием о евангельской вдовице, здесь реализуется тема самоуничтожения: *«и аз убо многими деньми томим и правлачимъ любовию к истинному пастуху, и хотящу ми малое некое похваление принести святителю, но свою немощь сматряющу недостижну к онного величеству, удерживаааахся...»* [7, с. 76].

В данном предисловии практически не упоминается об источниках: *«елико от сказатель бслышах»* [7, с. 76], однако «Киприан не указывает в числе своих источников на житие, написанное до него ростовским епископом Прохором» [6, с. 82–83].

Обратимся к реализации стиля «плетения словес» у Епифания Премудрого. Начнем с предисловия к произведению «Слово о житии и учении Стефана Пермского», которое позволяет говорить о Епифании Премудром «как о русском писателе, в творчестве которого стиль «плетения словес» достиг наивысшего развития» [8, с. 213].

Е. Л. Конявская находит Епифания Премудрого «индивидуальнейшим и потому характернейшим для своего времени писателем». Исследовательница считает, что «при всей своей любви к „плетению словес“ и безудержности в „словоплетстве“, он боялся, как бы, пресытившись его многословием, читатель или слушатель не почувствовал утомление» [5, с. 47].

Епифаний в своем предисловии к «Слову о житии Стефана Пермского» указывает на источники, и ссылается при этом на цитату из Второзакония: *«Въпроси отца твоего, и възвестит тебе, и старци твои ркуть тебе»* [6, с. 52].

И в продолжение о себе Епифаний пишет (конечно, риторически самоуничтожительно) как о неуче: *«Азь бо есмь умомъ грубъ, и словомъ невежа, худ имея разум и промысль вредоумень...»* [6, с. 51].

По нашим наблюдениям, в своем вступлении Епифаний чаще всего использовал цитаты именно из Псалтири: *«Такоже и Давыдъ пророкъ рече: „Господь дастъ глаголь“»* [6, с. 52. Ср. Пс. 67, 12]; *«И глаголю азь: „Господи, устне мои отверзеши, и уста моя възвестят хвалу Твою“, „да исполнятся уста моя похвалы, яко да възхваляю славу Твою“...»* [6, с. 52–54. Ср. Пс. 50, 17]. Изучив характер цитирования, мы пришли к выводу, что большинство цитат, использованных Епифанием, передают текст первоисточника точно: *«И глаголю азь: „Господи, устне мои отверзеши, и уста моя възвестят хвалу Твою“»* [6, с. 52–54. Ср. Пс. 50, 17]. Но в некоторых случаях имеет место сокращение текста, возможно, автор надеялся на «начитанность» читателя и знание Святого писания, например: *«Но надеюся на Бога всемилостиваго и всемогущаго, „от Него же вся возможна суть“»* [6, с. 52. Ср. Мф. 19, 26].

Заканчивает свое предисловие автор уже знакомой нам темой самоуничижения, которая образует кольцевую композицию: *«Щажю же ся и бою, еда како кто на мя взнепщюет и възнегодует, яко зазоры ми в коемждо слове предлагая. Но азъ грешный и смиреномудрием припадаю и со умилением мало нечто събеседую к почитающим и къ слышащим...»* [6, с. 54–56].

В предисловии к Житию преподобного Сергия Радонежского Епифаний также «мастерски применил риторически изощренный стиль „плетения словес“, с присущими ему цепочками разнообразных эпитетов, сравнений, обилием риторических фигур, сочетая при этом стилистическую изысканность с ясностью и динамичностью сюжетного развития и подчас с необычайно простым языком, близким к бытовому разговорному» [8, с. 331].

Тема авторского самоуничижения проходит и через все предисловие к Житию Сергия Радонежского: *«Дивлю же ся о семь, како толико летъ минуло, а житие его не писано. О семь съжалихся зело, како убо таковый святыи старецъ, пречюдный и предобрыи, отнеле же преставися, 26 летъ преиде, никто же не дръзняше писати о немъ....»* [1, с. 256].

Обратимся теперь к автору следующего анализируемого нами предисловия. Существует много информации о Пахомии Сербе. Стиль Пахомия Серба «в риторических вступлениях, отступлениях, похвалах и т. п. искусственно усложнен, витиеват и приближается к стилю гимнографической литературы – стихир, канонов, акафистов» [9, с. 177].

С самого начала Пахомий Серб использует стиль «плетения словес», описывая трудности, с которыми сталкиваются древнерусские писатели, когда восхваляют «великих святых божественных мужей»: *«Понеже убо онем великым божественнымъ мужем, иже въ посте и подвиже просиавшим, иже потолику велику победу на враги мужескы показавше и мира сего вся красная и суетная, иже в мале услаждаемая, преобидевъша, проразумевъше, яко вся суть временная, потом без вести бываемая...»* [3, с. 50]. Пахомий достаточно точно использует здесь цитаты из Книг Нового Завета [Ср. Мф. 10, 40; Лк. 10, 16].

Далее в традициях предисловия следует подробное указание на авторские источники: *«Видехом тамо настоателя тоя обители Касиана именем, достойна игуменом глаголатися, мужа, от многих лет въ трудех постничьскихъ състаревшася...»* [3, с. 54].

В конце реализуется традиционная для житийных предисловий тема авторского самоуничижения: *«Темъ же желаниемъ и любовию еже къ святому множае огня разждигаем, аще и грубъ сый, не наученъ внешней мудрости»* [3, с. 56].

Особенностью предисловия Пахомия Серба к Житию Кирилла Белозерского является последовательное использование автором всех возможностей «стиля плетения словес», поэтому предельно реализованы риторические темы, характерные для житийных предисловий.

Расхождения в наборе тем в рассмотренных предисловиях определяется индивидуальностью автора, временем написания и сложившимися в то время традициями. Набор канонических тем в предисловиях, начиная с самого раннего анализируемого нами текста, варьировался, не выбиваясь из общей схемы.

И в итоге вернулся к исходному варианту, то есть наличию всех вышеперечисленных нами тем. Объем текстов также колебался. Таким образом, объем предисловий со временем увеличивался, так как древнерусскому автору было, что сказать своему читателю.

### **Библиографический список**

1. Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси XIV–XV вв. – М., 1981.
2. История русской литературы X–XVII вв. / под ред. Д. С. Лихачева : учебное пособие для студентов пед. ин-тов. – М. : Просвещение, 1968. – 465 с.
3. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. – СПб. : Глаголь, 1993. – 323 с.
4. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – М. : Наука, 1988. – 512 с.
5. Конявская, Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.) / Е. Л. Конявская. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 199 с.
6. Святитель Стефан Пермский. – СПб. : Глагол, 1995. – 280 с.
7. Седова, Р. А. Святитель Петр Митрополит Московский / Р. А. Седова. – М. : Русский мир, 1993. – 202 с.
8. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV – XVI вв. Ч. 1. – Л. : Наука, 1988. – 518 с.
9. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV – XVI вв. Ч. 2. – Л. : Наука, 1989. – 526 с.